

К ВОПРОСУ О МЕТОДОЛОГИИ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ: ПРИМЕР ИЗУЧЕНИЯ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА В ПОСЛЕВОЕННОЙ ЯПОНИИ

Владимир Владимирович Нелидов

*Московский государственный институт международных отношений
(Университет) МИД России,
Институт востоковедения Российской академии наук,
Москва, Россия*

<p>Информация о статье: <i>Поступила в редакцию:</i> 30 июня 2017 <i>Принята к печати:</i> 11 апреля 2018</p>	<p>Аннотация: В статье рассматриваются различные варианты теоретических подходов к историческому исследованию на примере анализа внешнеполитического процесса в Японии в годы пребывания у власти Либерально-демократической партии в 1955-1993 гг. (период «системы 1955 года»). Эти подходы классифицируются по степени их генерализуемости. Разница в методологических подходах соответствует различию в эпистемологических позициях, в частности, представлениям о возможности и целесообразности поиска закономерностей, существующих вне зависимости от культурно-исторического контекста. Делается вывод, что понимание сильных и слабых сторон подходов, а также того, какие цели могут ставиться в их рамках, имеет существенное значение для методологии внешнеполитического исследования.</p>
<p>Об авторе: аспирант, преподаватель, кафедра востоковедения, МГИМО МИД России; научный сотрудник, Центр японских исследований, Институт востоковедения РАН e-mail: vladimir.nelidov@gmail.com</p>	
<p>Ключевые слова: методология; эпистемология; теория; Япония; внешнеполитический процесс; «система 1955 года»; новейшая история</p>	

Введение

Среди проблем, встающих перед историком, изучающим любые общественные феномены любой эпохи, значительное место занимают проблемы эпистемологического и методологического характера. Какова конечная цель исторического исследования? Должно ли оно находить общие закономерности, применимые, в том числе, к обществам за пределами рассматриваемых географических или хронологических рамок? Если так, то каковы границы применимости этих закономерностей? Или же, напротив,

его цель в том, чтобы в максимальной степени раскрыть специфику и уникальность рассматриваемых событий, пожертвовав универсальностью выводов в пользу их глубины? Ответы на эти ключевые вопросы определяются эпистемологической и методологической базой, на которой стоит исследование. Цель настоящей статьи, таким образом, заключается в том, чтобы внести вклад в уточнение этой проблематики, опираясь на конкретные примеры ставящихся в исторических исследованиях вопросов.

Внешнеполитический процесс в послевоенной Японии: специфика и подходы к анализу

Для того, чтобы проиллюстрировать важность эпистемологических и методологических аспектов, казалось бы, не имеющих прямого отношения к фактологическому содержанию работы, возьмем пример объекта исследования, имеющего практическую и теоретическую значимость – внешнеполитического процесса (то есть процесса принятия решений в области внешней политики) в послевоенной Японии в годы пребывания у власти Либерально-демократической партии (ЛДП) в 1955-1993 гг. – в эпоху, в литературе по современной истории Японии часто называемую периодом «системы 1955 года».

Выбор именно этого объекта и именно этого периода диктуется следующими соображениями. Прежде всего, период «системы 1955 года» в истории Японии с точки зрения особенностей существовавшей тогда политической системы можно считать относительно целостным и обладающим четкими хронологическими рамками. То, что сформированная в ноябре 1955 года в результате слияния Либеральной и Демократической партий и сразу же ставшая ведущей политической силой в стране ЛДП на протяжении почти четырех десятилетий оставалась правящей партией, способствовало формированию своеобразной и, в общем и целом, достаточно стабильной модели «демократии с японской спецификой».

На уровне партийной системы эта своеобразность выражалась в господстве ЛДП при сохранении и активном функционировании оппозиционных партий, главным образом, левой направленности, среди которых крупнейшей была Социалистическая партия Японии (СПЯ). При этом ЛДП достаточно активно применяла различные методы обеспечения своего политического доминирования, не имевшие, впрочем, явно антидемократического характера¹, а наличие

¹ Стрельцов Д.В. Система доминантной партии в Японии: некоторые уроки исторического опыта // Японские исследования. – 2016. – № 3. – С. 72. [Strel'tsov, D.V. Sistema dominantnoi partii v Yaponii: nekotorye uroki istoricheskogo opyta (The Dominant Party System in Japan: Some

в ее рамках различных фракций, специализированных депутатских групп и иных внутрипартийных группировок в какой-то мере компенсировало отсутствие реальной конкуренции между партиями. Обратной стороной подобной ситуации было то, что необходимость достижения консенсуса между этими внутрипартийными группировками зачастую препятствовала принятию решительных мер даже тогда, когда они, по мнению большей части правящих кругов, были необходимы². На уровне процесса принятия решений характерной чертой являлось активное взаимодействие и переплетение интересов политиков, высших эшелонов бюрократии и крупного бизнеса – то, что в популярном политическом дискурсе часто называется «железным треугольником»³. Наконец, во внешней политике японское государство придерживалось так называемой «доктрины Ёсида», заключавшейся в приоритизации задач по обеспечению экономического развития при одновременном делегировании значительной части обязанностей по обеспечению обороноспособности страны американским союзникам.

В то же время, перемены, которые произошли в Японии в 1990-х годах и позже – крах «экономики мыльного пузыря» и переход страны к многолетней экономической стагнации, начало более активного участия Японии в международных миротворческих операциях, уход ЛДП в оппозицию в 1993 году и возвращение ее к власти в 1996 году – не стали причиной радикального слома существовавшей до этого системы. Многие феномены японской политической жизни,

Lessons of Historical Experience) // *Yaponskie issledovaniya* (Japanese Studies in Russia), 2016, No. 3, p. 72.]

² Стрельцов Д.В. Система доминантной партии в Японии: некоторые уроки исторического опыта // Японские исследования. – 2016. – № 3. – С. 76-78. [Strel'tsov, D.V. Sistema dominantnoi partii v Yaponii: nekotorye uroki istoricheskogo opyta (The Dominant Party System in Japan: Some Lessons of Historical Experience) // *Yaponskie issledovaniya* (Japanese Studies in Russia), 2016, No. 3, p. 76-78].

³ Curtis, G. *The Logic of Japanese Politics. Leaders, Institutions, and the Limits of Change*. New York: Columbia University Press, 1999. P. 54.

существовавшие в период «системы 1955 года», продолжают в той или иной форме сохраняться и поныне, а потому изучение этого периода в истории Японии имеет и непосредственную значимость для понимания того, как устроена современная японская политика.

Какова же была специфика именно внешнеполитического процесса в период «системы 1955 года»? Исследования этого феномена в российской науке относительно немногочисленны. Заслуживают упоминания подробно рассматривающие механизм работы японской дипломатической службы работы А.Н. Панова⁴, а также посвященные особенностям функционирования японской политической системы в целом и внешнеполитического процесса в частности работы Д.В. Стрельцова⁵. Основа подхода этих работ – формулирование общей схемы принятия решений, в рамках которой определяется

роль отдельных акторов, а также отражается роль специфических особенностей политической и организационной культуры.

Подходы западных и японских авторов к этой и сходным проблемам характеризуются методологическим многообразием. В некоторых исследованиях используется подход, сходный с указанным выше: создание ad hoc теоретической схемы, которая позволяет достаточно достоверно объяснить некоторые аспекты функционирования японской внешней политики (или политики в целом)⁶. Авторы других работ не ставят задачи построить и верифицировать модель изучаемого процесса, но ограничиваются изложением исторических фактов и первичным индуктивным анализом тенденций, о которых эти факты свидетельствуют⁷. Наконец, работы, имеющие скорее политологическую, нежели историческую ориентацию, стремятся объяснить выработку политических решений в Японии, апеллируя к моделям и концептуальным схемам, обладающим универсальной применимостью, в том числе, и для других стран и исторических периодов⁸.

Таким образом, мы видим, что анализ одного и того же феномена – внешнеполитического процесса в Японии периода «си-

⁴ Панов А.Н. Японская дипломатическая служба. – М.: Международные отношения, 1988. – 184 с. [Panov, A.N. *Yaponskaya diplomaticheskaya sluzhba* (Japanese Diplomatic Service). Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya, 1988. 184 p.]; Панов А.Н. Дипломатическая служба Японии и эволюция японо-советских и японо-российских отношений в послевоенный период (1945-1995 гг.). – М.: МГИМО Университет, 1994. – 94 с. [Panov, A.N. *Diplomaticheskaya sluzhba Yaponii i evolyutsiya yaponno-sovetskikh i yaponno-rossiiskikh otnoshenii v poslevoennii period* (1945-1995 gg.) (Japanese Diplomatic Service and the Evolution of Japan-Soviet and Japan-Russian Relations in the Post-War Period (1945-1995)). Moscow: MGIMO, 1994. 94 p.]

⁵ Стрельцов Д.В. Система государственного управления Японии в послевоенный период. – М.: МАКС Пресс, 2002. – 304 с. [Strel'tsov D.V. *Sistema gosudarstvennogo upravleniya Yaponii v poslevoennii period* (The System of Public Administration of Japan in the Post-War Period). Moscow: MAKS Press, 2002. 304 p.]; Стрельцов Д.В. Внешнеполитический процесс в современной Японии // Внешнеполитический процесс в странах Востока. Под ред. Д.В. Стрельцова. – М.: Аспект Пресс, 2011. – С. 306-336. [Strel'tsov, D.V. *Vneshnepoliticheskii protsess v sovremennoi Yaponii* [The Foreign Policy Process in Contemporary Japan] // *Vneshnepoliticheskii protsess v stranakh Vostoka* [The Foreign Policy Process in the Countries of the East]. Ed. by D.V. Strel'tsov. Moscow: Aspekt Press, 2011. Pp. 306-336.]

⁶ Ёсида С. Нитибэй до:мэй но сэйдока. Хаттэн то синка но рэкиси катэй (Институционализация японо-американского союза. Исторический процесс развития и углубления). – Нагоя: Нагоя дайгаку сюппанкай, 2012. 424 с. [Yoshida, S. *Nichibei do:mei no seidoka. Hatten to shinka no rekishi katei* (The Institutionalization of the Japan-US Alliance. The Historical Process of Development and Deepening). Nagoya: Nagoya daigaku shuppankai, 2012. 424 p.]; Campbell, J.; Scheiner, E. *Fragmentation and Power: Reconceptualizing Policy Making under Japan's 1955 System* // *Japanese Journal of Political Science*, 2008, Vol. 9, No. 1, pp. 89-113.

⁷ Drohan, T. *American-Japanese Security Agreements, Past and Present*. Jefferson: McFarland & Company, Inc., Publishers, 2007. 214 p.

⁸ Minor, M. *Decision Models and Japanese Foreign Policy Decision Making* / M. Minor // *Asian Survey*, 1985, Vol. 25, No. 12, pp. 1229-1241; Hagan, J. et al. *Foreign Policy by Coalition: Deadlock, Compromise, and Anarchy* / J. Hagan, P. Everts, H. Fukui, J. Stempel // *International Studies Review*, 2001, Vol. 3, No. 2, pp. 169-216.

стемы 1955 года» – возможен в рамках нескольких методологических подходов. Одни исследователи ставят задачу на примере конкретных кейсов продемонстрировать некоторую общую закономерность. Другие идут по пути возможно более полного описания своего предмета исследования, делая акцент не столько на универсальные закономерности, сколько на детали, специфичные для конкретного случая⁹, а обобщения, если они и имеют место, играют частный и ограниченный характер. Наконец, промежуточную позицию между двумя этими подходами занимают работы, которые формулируют некоторую концептуальную схему, применимую, однако, главным образом к конкретной стране в конкретный рассматриваемый период.

При этом методологический подход исследователя имплицитно коррелирует с теми эпистемологическими позициями, на которых он стоит, в частности, его представлениями о том, какую роль в научном исследовании должны играть общие теории и частные объяснения, а также о том, в какой степени можно говорить о существовании в истории человечества универсальных законов. Так, работы, претендующие на то, что их результаты применимы к широкому кругу примеров, исходят из того, что возможно найти закономерности, которые будут работать в сходных ситуациях в самых различных обществах. Другими словами, ученые, придерживающиеся подобного подхода, считают, что конечной целью их работы должны быть универсальные выводы, в которых не упоминаются конкретные страны, организации, даты и персоналии¹⁰.

Напротив, работы, претендующие на изучение специфики именно Японии, исходят из того, что те концептуальные схемы, к которым они прибегают, вовсе не обязательно применимы к другим социумам или другим историческим эпохам. С точки зрения

эпистемологии это подразумевает сомнение в возможности или полезности универсальных обобщений и теоретических моделей, рассматривающих общественные феномены в отрыве от конкретно-исторического контекста.

Типология теорий по степени универсальности: общий принцип и практическая применимость

Подобное различие между категориями литературы о внешнеполитическом процессе в Японии и смежных вопросах – частный случай и в то же время наглядная иллюстрация методологического плюрализма, свойственного истории, политологии и наукам об обществе вообще. И для того, чтобы понять, в чем причина этого плюрализма и каковы сильные и слабые стороны различных методологических позиций, следует обратиться к вопросу классификации научных теорий.

Любая теория, то есть логически взаимосвязанный набор утверждений, из которых могут выведены эмпирические закономерности¹¹, может быть размещена в некоторой точке условного континуума по принципу того, насколько универсальный характер носят обобщения этой теории. С одного его конца будут находиться всеохватывающие или «гранд-теории», авторы которых ставят задачу объяснить общество в целом или некоторую его значительную часть (например, международные отношения, или функционирование организаций, или политический процесс как таковой). Примером такой гранд-теории является марксизм, претендующий на объяснение всего комплекса общественных отношений. Возможно, впрочем, продолжить этот континуум еще дальше, и тогда его крайней точкой будут даже не «гранд-теории» общества вообще или политики в частности, а философские метафизические системы, ставящие задачу объяснить сущность реальности как таковой, такие, как учения Платона, Канта или Гегеля.

С другого конца этой условной шкалы будут расположены обобщения и концеп-

⁹ King, G. et al. *Designing Social Inquiry: Scientific Inference in Qualitative Research* / G. King, R. Keohane, S. Verba. Princeton: Princeton University Press, 1994. Pp. 35-36.

¹⁰ Przeworski, A.; Teune, H. *The Logic of Comparative Social Inquiry*. Malabar, Florida: Krieger Pub. Co., 1982. P. 30.

¹¹ Merton, R. *Social Theory and Social Structure*. New York: The Free Press, 1968. P. 39.

туальные схемы, касающиеся конкретных кейсов и не претендующие на то, что они должны быть применимы за пределами этих кейсов. Это, однако, не означает, что подобные теоретические конструкции обязательно охватывают лишь малую часть эмпирической реальности. К той же категории теорий, не идущих дальше непосредственного обобщения и систематизации эмпирического материала, могут быть отнесены и такие амбициозные проекты, как «реконструкция» прошлого в трактовке Фернана Броделя, заключающаяся в том, чтобы «приблизиться к социальным реалиям в них самих и ради них самих» (курсив в оригинале) и ставящие задачу описать (или «реконструировать») «все крупные формы коллективной жизни, экономике, институты, архитектуру социальной жизни, наконец, цивилизации, их в особенности»¹².

Между двумя этими крайностями расположена область того, что американский исследователь Роберт Мертон назвал «теориями среднего уровня»¹³. Цель таких конструкций, к которым могут быть отнесены, к примеру, социологические теории относительной депривации или референтных групп¹⁴, состоит в том, чтобы дать объяснение некоторого отдельно взятого социального феномена или аспекта социальной реальности. С одной стороны, в отличие от частных концептуальных схем, это объяснение должно обладать достаточной степенью генерализуемости за пределами рассматриваемых кейсов, а с другой, в отличие от гранд-теорий, оно не претендует на раскрытие универсальных закономерностей, свойственных обществу в целом, хотя и является, в принципе, применимым к разнообразным социумам на различных этапах их развития.

Именно в рамках этой схемы могут быть классифицированы три указанные подхода к анализу внешнеполитического процесса в

послевоенной Японии. Работы, рассматривающие процесс принятия решений в Японии как частный случай закономерностей, работающих в сфере процесса принятия государственных решений вообще, могут быть охарактеризованы или как «теории среднего уровня», или как частные приложения «гранд-теорий» (например, теории рационального выбора). Чисто исторические исследования, в свою очередь, являются тем, что Р. Мертон называет «эмпирическими обобщениями», а Ф. Бродель – «реконструкцией» прошлого. И, наконец, работы, которые ставят целью определение схемы принятия решений, достаточно универсальной, чтобы быть применимой к целому историческому периоду, но не обязательно претендующей на применимость к другим странам и эпохам, оказываются между двумя этими точками на обозначенной условной шкале.

Таким образом, как было показано выше, каждый из этих подходов может быть успешно применен, в том числе, и к исследованию внешнеполитического процесса в Японии периода «системы 1955 года». Однако целесообразность и плодотворность этого применения будет зависеть от того, какие задачи ставит перед собой исследователь.

Так, если целью оказывается продемонстрировать наличие тех или иных общих закономерностей (и одновременно показать, что эти закономерности, уже доказанные на примере других стран, успешно объясняют и происходившие в японской политике процессы), то закономерным выбором оказывается подход, основанный на «гранд-теориях» или «теориях среднего уровня».

Подобные объяснения зачастую отличаются теоретической лаконичностью и стройностью. Наглядный пример из области анализа принятия внешнеполитических решений – классическая работа американского исследователя Грэма Аллисона «Концептуальные модели и кубинский ракетный кризис», в которой на основе трех теоретических подходов анализируется принятие решений Соединенными Штатами и Советским Союзом в ходе Карибского кризиса 1962 года. Первый из них – модель «рациональной политики», которая исходит из того, что пра-

¹² Бродель Ф. Очерки истории. – М.: Академический проект; Альма Матер, 2015 – С. 19. [Braudel, F. Oчерki istorii (On History). Moscow: Akademicheskij proekt; Al'ma Mater, 2015. P. 19.]

¹³ Merton, R. Social Theory and Social Structure. New York: The Free Press, 1968. P. 39.

¹⁴ Ibid. P. 40.

вительства принимают решения, исходя из задачи максимизации своих стратегических интересов¹⁵. Второй – модель «организационных процессов», которая трактует принимаемые решения как, в общем и целом, результат заранее установленных процедур принятия решений¹⁶. Третья – модель «бюрократической политики», суть которой заключается во взаимодействии между многочисленными индивидуальными акторами в рамках иерархической бюрократической системы, причем каждый из них преследует свои собственные цели¹⁷.

Аналогичный подход мог бы быть применен и к внешнеполитическому процессу Японии периода «системы 1955 года». Различные аспекты этого процесса можно проанализировать с точки зрения различных теоретических подходов, либо же можно дать его интерпретацию с точки зрения одной из этих моделей. Однако следует понимать, что к такому исследованию, ориентированному, прежде всего, на теорию, а не на конкретный эмпирический кейс, будет предъявляться ряд методологических требований, без выполнения которых сложно будет говорить об успешном выполнении поставленных задач. Так, гипотезы, выдвигаемые в таком исследовании, должны быть фальсифицируемы, то есть утверждения, которые на примере конкретного кейса берется доказать исследователь, должны быть сформулированы так, что они потенциально, при наличии определенных данных, могут быть опровергнуты¹⁸. Это означает, что комплексная концептуальная схема, которая в качестве одного из своих ключевых положений допускает многовариантность и стохастичность процессов, окажется менее приемлемой, чем теоретическая модель, пускай и не охватывающая всей глубины рассматриваемых явлений, но способная генерировать однозначно фальсифицируемые гипотезы.

¹⁵ Allison, G. Conceptual Models and the Cuban Missile Crisis // *The American Political Science Review*, 1969, Vol. 63, No. 3, p. 694.

¹⁶ Ibid. P. 698.

¹⁷ Ibid. P. 707.

¹⁸ King, G. et al. *Designing Social Inquiry: Scientific Inference in Qualitative Research* / G. King, R. Keohane, S. Verba. Princeton: Princeton University Press, 1994. P. 19.

Кроме того, теория, выдвигаемая в таком исследовании, должна, по возможности, объяснять как можно большее количество аналогичных феноменов¹⁹, а добавление к этой теории уточнений или дополнений, позволяющих интерпретировать не укладывающиеся в нее факты, допускается, как правило, только если достоверность этих дополнений может быть подтверждена при помощи дополнительных эмпирических данных²⁰. Все это означает, что объяснения, которые допускают определяющую роль культурно специфических факторов, не укладывающихся в рамки одного или нескольких теоретических подходов, также являются, с методологической точки зрения, нежелательными.

С другими трудностями встретится работа, которая, воздерживаясь от формулирования универсальных закономерностей на примере конкретного странового материала, ограничится более или менее структурированным историческим нарративом, ставящим задачу «реконструкции» прошлого. И дело далеко не только в возможном недостатке исторических свидетельств и источников. Задача полностью реконструировать во всех деталях прошлое, о какой бы эпохе ни шла речь, столь же нереализуема, сколь и задача полностью реконструировать настоящее, потому что любая реконструкция, не достигающая уровня абсолютно точного копирования, неизбежно будет избирательной, включающей одно и опускающей другое. Остроумно, но при этом точно эту идею выразил «отец кибернетики» Норберт Винер, сказавший, что «лучшей материальной моделью кота является другой кот, а еще лучше – он сам»²¹.

Таким образом, недостатки одного подхода оказываются зеркальным отражением достоинств другого. Теоретически ориентированные работы способны распознать и доказать наличие закономерностей, но в силу теоретических и методологических ограничений они вынуждены упускать из

¹⁹ Ibid. P. 29.

²⁰ Ibid. P. 21.

²¹ Rosenblueth, A.; Wiener, N. The Role of Models in Science // *Philosophy of Science*, 1945, No. 4, p. 320.

виду конкретно-историческую специфику, а потому их выводы могут оказаться поверхностными и тривиальными. Исторические работы, ставящие задачу «реконструкции прошлого», напротив, могут описать не только универсальное, но и уникальное, но при этом страдают избирательностью и в силу акцента на конкретно-исторической специфике могут «не увидеть за деревьями лес», упустив из виду существенные закономерности.

Наконец, следует сказать о категории работ, которые с точки зрения эпистемологии и методологии находятся между, с одной стороны, исследованиями, ориентированными на «гранд-теории» или «теории среднего уровня», а с другой – историческими исследованиями, целью которых является «реконструкция» прошлого. Их основной методологический подход заключается в том, чтобы, рассматривая определенный исторический феномен, индуктивно вывести закономерности и тенденции, то есть создать *ad hoc* концептуальную схему, которая, впрочем, в полной мере применима только к объекту данного конкретного исследования. Конечно, в некоторых случаях эта схема может быть использована и при рассмотрении других кейсов, но подобная универсальная применимость в любом случае не является самоцелью.

Подобные исследования могут быть подвергнуты критике за ограниченность применимости их выводов, особенно если судить по меркам теоретически ориентированных работ. Предполагаемая придерживающимся такого подхода автором узость сферы применимости концептуальной схемы означает, что попытка приложить ее к исследованию, казалось бы, сходного феномена в другой стране или даже в другую эпоху в той же стране может скорее увести от истины, чем приблизить к ней. Так, механический перенос представлений о том, каковы были роли различных участников внешнеполитического процесса в Японии периода «системы 1955 года», на принятие внешнеполитических решений в Японии 2010-х годов будет заведомо непродуктивным (впрочем, такой шаг может оказаться весьма полезным как отправная точка ис-

следования современной структуры внешнеполитического процесса). С точки зрения политической науки, ориентированной на универсальность выводов, это свидетельство низкого «качества» выдвигаемой теории, но с точки зрения исторического исследования это, наоборот, говорит о большей глубине анализа.

Другая характерная черта подобного подхода – построение концептуальной схемы, в которую, в зависимости от специфики исследуемого объекта, могут быть включены понятия различных теоретических парадигм. Работы, ориентированные на «гранд-теории» или «теории среднего уровня», как правило, обладают большей теоретической последовательностью. Так, каждая из моделей, применяемых в уже упомянутой работе Грэхэма Алисона²², анализирует процесс принятия решений на одном и только на одном уровне, отбрасывая все факторы, не относящиеся к нему, как несущественные. В то же время для исследования, претендующего на комплексность анализа закономерностей, свойственных отдельно взятому кейсу, подобный подход оказывается неприемлемым. Так, модель внешнеполитического процесса в послевоенной Японии, претендующая на полноту, должна отражать и роль индивидуальных акторов (например, премьер-министра), и институциональную структуру организаций (к примеру, отдельных министерств и ведомств или их подразделений), и роль негосударственных акторов (например, экспертного или бизнес-сообществ). При этом необходимо учитывать также культурно-исторические особенности японского общества, выражающиеся, в частности, в склонности к принятию решений путем консенсуса и в большой значимости неформальных связей. Наконец, нельзя упускать из виду и международно-политический контекст, характеризовавшийся особой ролью отношений Японии с США и общей международно-политической обстановкой периода «холодной войны». Все это означает, что подобная модель в ее оригинальном виде будет неприменимой

²² Allison, G. Conceptual Models and the Cuban Missile Crisis // *The American Political Science Review*, 1969, Vol. 63, No. 3.

к другим странам, помимо Японии периода «системы 1955 года», а попытки универсализировать ее приведут лишь к выхолащиванию и сведению к совокупности тривиальных утверждений типа «во внешнеполитическом процессе играют роль как государственные, так и негосударственные акторы».

Все это приводит к более высоким требованиям к самому исследователю. Формулирование исходной концептуальной схемы, выбор конкретных ситуаций для исследования и определение того, в какой степени каждая из них укладывается или не укладывается в эту схему, определение значимого и отсева несущественного – все это неизбежно будет в значительно большей степени зависеть от личного суждения и научной интуиции автора, чем если бы исследование было ориентировано только на верификацию универсальной теории, границы применимости которой выходят за географические и хронологические рамки исследуемого объекта. Но с этим приходится мириться, потому что только таким путем возможно решить задачу, которую ставит рассматриваемая категория исследований и которая заключается в том, чтобы дать комплексную, подробную, но при этом структурированную картину исследуемого исторического феномена.

Заключение

В настоящей статье были рассмотрены различные подходы к историческому исследованию и было продемонстрировано, как каждый из них может быть применен и применяется к анализу одного и того же объекта, а именно внешнеполитического процесса в Японии периода «системы 1955 года». Главный вывод, который можно сделать – то, что каждый из этих подходов обладает своими сильными и слабыми сторонами, и каждый из них преследует свои специфические цели. Исследования, ориентированные на «гранд-теории» и «теории среднего уровня» характеризуются концептуальной стройностью и высокой степенью универсальности выводов, оборотной стороной чего может быть поверхностность и тривиальность полученных результатов. Исторические

исследования, ставящие цель «реконструкции» прошлого, дают гораздо более глубокую картину, но при этом могут упустить из виду существенные закономерности и тенденции. Наконец, исторические работы, основой которых оказывается концептуальная схема, формулируемая ad hoc для интерпретации конкретного феномена, гораздо в большей степени учитывают конкретно-историческую специфику, чем теоретически ориентированные работы, но значительная зависимость от суждений и оценок самого исследователя делает их выводы, возможно, более субъективными. Представляется, что именно осознание сильных и слабых сторон этих подходов, понимание того, из каких предпосылок они исходят и какие цели могут ставиться и достигаться в их рамках, является важным условием их успешного применения в исторической науке.

Литература:

- Бродель Ф.* Очерки истории. – М.: Академический проект; Альма Матер, 2010. – М.: Аспект Пресс, 2011. – С. 306-336.
- Стрельцов Д.В.* Система государственного управления Японии в послевоенный период. – М.: МАКС Пресс, 2002. – 304 с.
- Стрельцов Д.В.* Система доминантной партии в Японии: некоторые уроки исторического опыта // Японские исследования. – 2016. – № 3.
- Allison, G.* Conceptual Models and the Cuban Missile Crisis // *The American Political Science Review*, 1969, Vol 63, No. 3.
- Campbell, J.; Scheiner, E.* Fragmentation and Power: Reconceptualizing Policy Making under Japan's 1955 System // *Japanese Journal of Political Science*, 2008, Vol. 9, No. 1, pp. 89-113.
- Curtis, G.* The Logic of Japanese Politics. Leaders, Institutions, and the Limits of Change. New York: Columbia University Press, 1999.
- Drohan, T.* American-Japanese Security Agreements, Past and Present. Jefferson: McFarland & Company, Inc., Publishers, 2007. 214 p.
- Hagan, J. et al.* Foreign Policy by Coalition: Deadlock, Compromise, and Anarchy / J. Hagan, P. Everts, H. Fukui, J. Stempel // *International Studies Review*, 2001, Vol. 3, No. 2, pp. 169-216.
- King, G. et al.* Designing Social Inquiry: Scientific Inference in Qualitative Research / G. King, R. Keohane, S. Verba. Princeton: Princeton University Press, 1994.
- Merton, R.* Social Theory and Social Structure. New York: The Free Press, 1968.
- Minor, M.* Decision Models and Japanese Foreign Policy Decision Making / M. Minor // *Asian Survey*, 1985, Vol. 25, No. 12, pp. 229-241.
- Przeworski, A.; Teune, H.* The Logic of Comparative Social Inquiry. Malabar, Florida: Krieger Pub. Co., 1982.

Rosenblueth, A.; Wiener, N. The Role of Models in Science // *Philosophy of Science*, 1945, No. 4.

References:

Allison, G. Conceptual Models and the Cuban Missile Crisis // *The American Political Science Review*, 1969, Vol. 63, No. 3.

Braudel, F. *Ocherki istorii (On History)*. Moscow: Akademicheskij proekt; Al'ma Mater, 2015.

Campbell, J.; Scheiner, E. Fragmentation and Power: Reconceptualizing Policy Making under Japan's 1955 System // *Japanese Journal of Political Science*, 2008, Vol. 9, No. 1, pp. 89-113.

Curtis, G. *The Logic of Japanese Politics. Leaders, Institutions, and the Limits of Change*. New York: Columbia University Press, 1999.

Drohan, T. *American-Japanese Security Agreements, Past and Present*. Jefferson: McFarland & Company, Inc., Publishers, 2007. 214 p.

Hagan, J. et al. Foreign Policy by Coalition: Deadlock, Compromise, and Anarchy / J. Hagan, P. Everts, H. Fukui, J. Stempel // *International Studies Review*, 2001, Vol. 3, No. 2, pp. 169-216.

King, G. et al. *Designing Social Inquiry: Scientific Inference in Qualitative Research* / G. King, R. Keohane, S. Verba. Princeton: Princeton University Press, 1994.

Merton, R. *Social Theory and Social Structure*. New York: The Free Press, 1968.

Minor, M. Decision Models and Japanese Foreign Policy Decision Making / M. Minor // *Asian Survey*, 1985, Vol. 25, No. 12, pp. 1229-1241.

Panov, A.N. *Diplomaticheskaya sluzhba Yaponii i evolyutsiya yapono-sovetskikh i yapono-rossiiskikh otnoshenii v poslevoennyi period (1945-1995 gg.) (Japanese Diplomatic Service and the Evolution of Japan-Soviet and Japan-Russian Relations in the Post-War Period (1945-1995))*. Moscow: MGIMO, 1994. 94 p.

Panov, A.N. *Yaponskaya diplomaticheskaya sluzhba (Japanese Diplomatic Service)*. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya, 1988. 184 p.

Przeworski, A.; Teune, H. *The Logic of Comparative Social Inquiry*. Malabar, Florida: Krieger Pub. Co., 1982.

Rosenblueth, A.; Wiener, N. The Role of Models in Science // *Philosophy of Science*, 1945, No. 4.

Strel'tsov D.V. *Sistema gosudarstvennogo upravleniya Yaponii v poslevoennyi period (The System of Public Administration of Japan in the Post-War Period)*. Moscow: MAKSPress, 2002. 304 p.

Strel'tsov, D.V. *Sistema dominantnoi partii v Yaponii: nekotorye uroki istoricheskogo opyta (The Dominant Party System in Japan: Some Lessons of Historical Experience)* // *Yaponskie issledovaniya (Japanese Studies in Russia)*, 2016, No. 3.

Strel'tsov, D.V. *Vneshnepoliticheskii protsess v sovremennoi Yaponii (The Foreign Policy Process in Contemporary Japan)* // *Vneshnepoliticheskii protsess v stranakh Vostoka (The Foreign Policy Process in the Countries of the East)*. Ed. by D.V. Strel'tsov. Moscow: Aspekt Press, 2011. Pp. 306-336.

Yoshida, S. *Nichibeï do:mei no seidoka. Hatten to shinka no rekishi katei (The Institutionalization of the Japan-US Alliance. The Historical Process of Development and Deepening)*. Nagoya: Nagoya daigaku shuppankai, 2012. 424 p.

DOI: 10.24411/2221-3279-2018-10003

ON THE QUESTION OF HISTORICAL
RESEARCH METHODOLOGY: THE CASE OF STUDYING
FOREIGN POLICY DECISION MAKING IN POST-WAR JAPAN

Vladimir V. Nelidov

*MGIMO University,
Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia*

<p>Article history:</p> <p><i>Received:</i> 30.06.2017</p> <p><i>Accepted:</i> 11.04.2018</p>	<p>Abstract: The article examines different variants of theoretical approaches to historical research, using the example of the analysis of foreign policy decision making in Japan during the rule of the Liberal Democratic Party (the “1955 system” period). These approaches are sorted by the degree of their generalizability. The difference in methodological approaches corresponds to the variation of epistemological positions, particularly, to the evaluations of possibility and usefulness of searching for regularities, existing irrespective of cultural and historical context. The conclusion is drawn that understanding the strengths and weaknesses of each of these approaches, as well as of the goals that can be set within their boundaries has significant importance for historical methodology.</p>
<p>About the author: Postgraduate student, Assistant Lecturer, Department of Asian and African Studies, MGIMO University; Researcher, Center for Japanese Studies, Institute of Oriental Studies, RAS</p> <p>e-mail: vladimir.nelidov@gmail.com</p>	
<p>Key words: methodology; epistemology; theory; Japan; foreign policy decision making; “1955 system”; contemporary history</p>	

Для цитирования: Нелидов В.В. К вопросу о методологии исторического исследования: пример изучения внешне-политического процесса в послевоенной Японии // *Сравнительная политика*. – 2018. – № 4. – С. 41-50.

DOI: 10.24411/2221-3279-2018-10003

For citation: Nelidov, Vladimir V. K voprosu o metodologii istoricheskogo issledovaniia: primer izucheniia vneshnepoliticheskogo protsessa v poslevoennoi Iaponii (On the Question of Historical Research Methodology: The Case of Studying Foreign Policy Decision Making in Post-War Japan) // *Comparative Politics Russia*, 2018, No. 4, pp. 41-50.

DOI: 10.24411/2221-3279-2018-10003